

В. Н. ВАРИЧ

РАССУДОК КАК ФЕНОМЕН ДУХА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО

Диалектическая связь единичного, особенного и всеобщего является одним из формообразующих факторов «Феноменологии духа» Гегеля. Выделение этой связи в качестве методологического подхода к изучению данного произведения предполагает определение роли и места понятий «единичное», «особенное» и «всеобщее» как в структуре и методе «Феноменологии» в целом, так и в гегелевском анализе отдельных феноменов духа. Особый интерес представляют духовные образования, развитие которых сопровождается переходом индивидуального сознания на качественно более высокий уровень. Перечисленные обстоятельства обусловили выбор предмета настоящей статьи — гегелевского учения о рассудке, обеспечивающем в «Феноменологии» переход от сознания к самосознанию.

Опорными в предлагаемой Гегелем концепции рассудка являются понятия «сила», «игра сил», «внутреннее», «явление» и «сверхчувственный мир». В каком отношении находятся они к понятиям «единичное», «особенное» и «всеобщее» и каково значение последних в развитии рассудка как феномена духа?

Содержательный ответ на эти вопросы невозможен без краткой реконструкции развития сознания, подводящего к появлению рассудочной формы. Наряду с рассудком Гегель выделяет в сознании две менее развитые ступени: чувственную достоверность и восприятие. Анализируя первую из них, Гегель подчеркивает всеобщий характер вступающих в познавательное отношение сознания и предмета и показывает несостоятельность представления о них как о чувственно-данных единичных сущностях. Характеризуя затем воспринимающее сознание, философ приходит к выводу о том, что каждый из членов этого отношения представляет собой диалектическое единство «бытия для себя» и «бытия для другого». Бесконечное чередование в воспринимающем и в воспринимаемом «бытия для себя» как исключаящей единичности и «бытия для другого» как включенности во всеобщее составляет сущность и своеобразие восприятия. И «я», и предмет выступают то как нечто сугубо единичное, исключаящее всякую связь с иным, то как нечто вовлеченное во всеобщую связь. Разъединенные в восприятии, «бытие для себя» и «бытие для другого» воссоединяются в рассудочном сознании, достоянием которого становится осмысление их неразрывного взаимопроникающего единства. «Здесь обе эти стороны суть моменты силы; они точно так же находятся в некотором единстве, как это единство, являющееся средним термином по отношению к сущим для себя крайним терминам, в свою очередь, распадается именно на эти крайности, которые лишь благодаря этому и существуют»¹.

В понятии «силы» рассудка находят логическое завершение две фундаментальные линии гегелевского анализа сознания. Это понятие, во-первых, фиксирует имманентно присущее обоим членам познавательного отношения противоречие единичного и всеобщего. Во-вторых, понятие «си-

лы» узаконивает исходно подразумевавшееся в «Феноменологии» генетическое и субстанциональное единство сознания и предмета, характеризуя способность рефлексировать в себя из внешнего многообразия и выходить вовне из внутреннего единства, в равной степени присущую обеим сторонам познавательного процесса.

Иначе говоря, понятие «силы» выражает движение перехода противоположностей друг в друга. Сами противоположности, как справедливо замечает Гегель, могут приобретать в ходе познания относительно самостоятельное значение. Более того, переход одной пары противоположностей друг в друга вызывает движение другой пары и так до бесконечности. Как следствие включенности «сил» рассудка во всеобщую среду их развертывания возникает своеобразное явление, именуемое Гегелем «игрой сил», каждая из которых одновременно возбуждает другую «силу» и сама возбуждается ею. «Игра обеих сил состоит, таким образом, в том, что они определены противоположным образом и существуют в этом определении друг для друга, а также в том, что происходит абсолютный, непосредственный обмен определениями, — переход, благодаря которому только и существуют эти определения, в коих силы выступают как будто **самостоятельно**» (75).

Феноменологическая концепция рассудка обнаруживает преемственность по отношению к анализу рассудка в трансцендентальной аналитике Канта. Наиболее ценным качеством рассудка Гегель, подобно Канту, признает синтезирующую способность, хотя и отмечает, что единство противоположностей адекватно постигается лишь на ступени разума. Однако в «Феноменологии духа» рассудок является плодом развития сознания, сохраняя присущие последнему недостатки и ограниченности, и в то же время потенциально содержит в себе могущество более развитых форм духа. Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что рассудок как феномен духа имеет более богатое содержание, нежели рассудок в кантовской «Критике» (и даже в более поздних произведениях самого Гегеля), выступая в качестве исторической формы развития человеческого сознания вообще и необходимой ступени развития индивидуального сознания в частности.

Общность рассудка с другими феноменами духа позволяет отметить большую методологическую значимость гегелевского анализа «игры сил» для всего содержания книги. Действительно, на определенной ступени в развитии каждого феномена духа противоположности, ранее развертывавшиеся параллельно, вступают в активное взаимодействие («игру») друг с другом. С точки зрения диалектики единичного и всеобщего данную ступень можно охарактеризовать как «особенное» в развитии того или иного феномена. Применительно же к избранному предмету анализа в качестве «особенного» состояния сознания можно определить «игру сил» рассудка — фазу развития, сущность которой составляет взаимодействие определенностей единичного и всеобщего.

Не вызывает сомнений, далее, и преемственность размышлений об антиномичности познающего субъекта и познаваемого мира в «Феноменологии духа» и в «Критике чистого разума». Вслед за Кантом Гегель считает равными логические «права» противоречащих начал — будь то единичное и всеобщее, для-себя-бытие и в-себе-бытие, случайное и необходимое и т. п. Развивая этот взгляд, Гегель полагает равными шансы постигнуть истину с помощью противоположных подходов теоретического анализа, а также признает морально равнозначными противоположные ценностные установки при исследовании социальных явлений. Вместе с тем создатель «Феноменологии» делает значительный шаг вперед, показывая, что распадение на противоположности отнюдь не является финалом познания: в «игре» противоположных «сил» сознанию открывается нечто, находящееся за этими силами, нечто общее им обоим. И если у Канта разум, попавший в горнило диалектики, отчаивается постигнуть скрытую сущность вещей и самого себя, то у Гегеля «игра сил» служит прологом к постижению «внутреннего» как потаенной сущности вещей и сознания.

Критической оценке гегелевского учения о познании «внутреннего» необходимо предпослать напоминание о том, что «силы» рассудка в одинаковой степени характеризуют обе стороны познавательного процесса: по Гегелю, это одни и те же «силы», способные «выходить вовне» и создавать свой собственный мир посредством взаимодействия друг с другом.

Игра «сил», порожденных самим сознанием, скрывает от него сущность познаваемого.

Противоречие между познающим и познаваемым «снимается» в явлении. «Эта подлинная сущность вещей определилась теперь таким образом, что она не есть непосредственно для сознания, а что это последнее имеет опосредствованное отношение к «внутреннему» и в качестве рассудка **проникает взором сквозь этот средний термин игры сил к истинной скрытой основе (Hintergrund) вещей**. Средний термин, смыкающий оба крайние, рассудок и «внутреннее», есть развитое **бытие** силы, которое для самого рассудка теперь уже есть **исчезание**. Оно называется поэтому **явлением (Erscheinung)**, ибо **видимостью (Schein)** мы называем то **бытие**, которое непосредственно в себе самом есть **небытие**» (77).

Явление, таким образом, представляет собой у Гегеля диалектическое единство бытия и исчезания, всеобщего и единичного начал. В этом плане понятие «явление» служит логическим преемником понятия «сила» и закономерным развитием кантовского понимания явления. Продолжая мысли Канта о том, что в явлении обнаруживается как всеобщее, так и случайное содержание, данная априори форма и находямая апостериори материя, Гегель подчеркивает одновременную присущность явления чувственному и сверхчувственному мирам и показывает, что наряду с единичными оно обладает всеобщими характеристиками. Отмечая, что явление не есть только видимость, а составляет целое видимости, Гегель в отличие от Канта акцентирует внимание на всеобщей стороне явления. Сознание как всеобщее оказывается поэтому у Гегеля способным постичь в явлении «внутреннее». «В этом **внутреннем истинном как абсолютно-всеобщем**, которое очищено от **противоположности** всеобщего и единичного и которое возникло **для рассудка**, теперь только раскрывается... за пределами чувственного мира как **мира являющегося** мир **сверхчувственный** как мир **истинный**, за пределами исчезающего **посюстороннего** — сохраняющееся **потустороннее** — некоторое в-себе-бытие, которое есть первое и потому само несовершенное явление разума...» (78).

В дальнейшей полемике с Кантом автор «Феноменологии духа» стремится показать, что сверхчувственный мир является результатом деятельности сознания, а не открывается ему как нечто потустороннее и непознаваемое. «Сверхчувственное, — подчеркивает Гегель, — есть чувственное и воспринимаемое, установленное так, как оно есть **поистине; истина же чувственного** и воспринимаемого состоит в том, что они суть **явление**» (79). Почему же тогда и в «Феноменологии» явление открывает сознанию не саму истину, а лишь «чистую стихию», в которой она имеет свою сущность?

Гегель объясняет такое положение дел недостаточным развитием открывшегося сознанию сверхчувственного мира, который, образно говоря, унаследовал от сознания только одну его сторону — всеобщность. Философ в этой связи ставит новую задачу перед рассудком: сообщить всеобщему изменчивость, сделать его подвижным и развивающимся, — одним словом, соединить вновь, уже в сверхчувственном мире, всеобщность как принцип бытия и единичность как принцип движения, изменчивости, «исчезания». Предлагаемый в «Феноменологии» способ решения этой задачи вкратце состоит в следующем.

По мысли Гегеля, самое первое знакомство с открывшимся в явлении сверхчувственным миром показывает рассудочному сознанию, что сверхчувственное содержит в себе различие. Это различие определяется сознанием как устойчивое и получает название **з а к о н а**, а сверхчувственный мир предстает как «покоящееся царство законов». Перед рассудком со всей полнотой встает фундаментальная проблема согласования подвижного, изменчивого, текущего посюстороннего мира и вечного, неизблемого, неизменного потустороннего мира. Разрешить эту коллизию, как следует из рассуждений Гегеля, может лишь само **с о з н а н и е**, ибо только оно одновременно всеобщее и изменчиво и только оно одновременно существует в чувственном мире и выходит в сверхчувственное. Благодаря специфической, только сознанию присущей деятельности, которую Гегель называет **о б ъ я с н е н и е м**, происходит «открытие» новых законов, которые могут быть прямо противоположны уже найденным, а первый сверхчувственный мир из «спокойного царства законов» превращается в

свою противоположность. «Этот **второй сверхчувственный мир** есть, таким образом, мир **наизнанку**, а именно (поскольку одна сторона уже имеется в первом сверхчувственном мире) **перевернутый мир** этого первого мира» (86).

Описание взаимоотношения двух сверхчувственных миров по праву можно отнести к числу наиболее насыщенных диалектическими подходами фрагментов «Феноменологии духа». Особенно важно в контексте данной статьи гегелевское указание на неразрывную связь двух миров: если первый непосредственно возводит воспринимаемый мир во всеобщую стихию, то второй дополняет первый принципом изменения. Чтобы адекватно понимать сущность, внутреннее, сверхчувственное (здесь правомерно употребить эти понятия в качестве синонимов), необходимо, по категорическому требованию Гегеля, раз и навсегда отказаться от представления о прикреплённости различий к отдельным «стихиям устойчивого существования» — необходимо **«мыслить чистую смену, или противоположное внутри самого себя, т. е. противоречие»** (88).

В качестве принципа диалектической логики требование понимать всеобщее как нечто подвижное, изменяющееся, способное к саморазвитию справедливо признается одним из наиболее выдающихся достижений гегелевской мысли. Однако реализация этого требования на конкретном «материале» (в данном случае применительно к развитию рассудка) показывает, что синтез противоположностей пассивно-всеобщего и активно-единичного не является результатом движения самих противоположностей, а осуществляется посредством вмешательства в развитие сознания всеобщего духа, детерминирующего обе противоположности. Происходит это, очевидно, потому, что в «Феноменологии духа» наряду с экзотерическим присутствует экзотерическое начало в развитии содержания. Движение каждого феномена оценивается не только с точки зрения его имманентных процессов, но и с «точки зрения» всеобщего духа, владеющего знанием о том, каким должно быть это движение. В кризисных ситуациях развития сознания, когда обнаруживается его неспособность снять развившееся до антагонизма противоречие, на помощь ему в лице философа-феноменолога приходит всеобщий дух, вводя между единичным и всеобщим как крайними членами умозаключения так называемый «средний термин». Для рассудка таким средним термином становится именно объяснение — тавтологическая деятельность сознания по выдвиганию противоположных определений. Объяснение замыкает на себе подвижность единичного чувственного бытия сознания и всеобщность порожденного им сверхчувственного мира, открывая взору сознания **бесконечное**.

Развитие рассудка в качестве феномена духа наглядно показывает, что у Гегеля экзотерическое начало одерживает победу над экзотерическим, а действительное развитие рассматривается сквозь призму спекулятивного. Именно поэтому «игра сил» как выражение процесса, в котором могло бы произойти действительное разрешение противоречия единичного и всеобщего, сменяется «объяснением» — изображением центрального компонента логической схемы, подчиняющей себе движение сознания. Именно поэтому ступень «особенного» в развитии сознания (несмотря на способность «сил» рассудка выходить вовне) не обретает реального налично-данного существования, а полностью замещается взаимодействием порожденных сознанием миров.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959. Т. 4. С. 74. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте статьи с указанием (в скобках) страницы.

Л. В. ЮРЧИК

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Марксистская трактовка соотношения сознания, материальной деятельности людей и языка исходит из признания первичности чувственно-предметной деятельности человека, общественно-исторической практики, преобразующей внешний мир и самого человека. Элементарные законы логики складывались в сознании людей под влиянием практического воз-